

УМНАЯ ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ СЕБЯ¹

(продолжение)

У статті розглядається проблема душі.

Ключові слова: *філософія, мудрість, психіка, душа, свідомість.*

В статье рассматривается проблема души.

Ключевые слова: *философия, мудрость, психика, душа, сознание.*

The article deals with the concept of the soul and its possible problems.

Key words: *philosophy, wisdom, state of mind, soul, consciousness.*

Всякий, кто хоть один раз задумался о том, что такое душа человека, прекрасно понимает, что вольно или невольно он сталкивается с метафизической бездной, решение которой вряд ли посилено для человеческого ума. Умнейший И.О. Кант считал, что предметом философии есть свобода, бессмертие и Бог. Я не знаю, как отнесутся коллеги по перу, но мне почему-то кажется, что это проблема души во всей ее фундаментальности и грандиозности. Кажется, что возопиют самые вещи, если человек не помыслит о том, что же такое душа – душа человеческая, душа Земли, душа Вселенной. Современная научная мысль лишь на подступах к этой проблеме. О душе Земли впервые в XX столетии заговорил наш соотечественник В.И. Вернадский, о душе Вселенной человек XXI даже толком и проблему не сформулировал. Да и вряд ли человек одолеет ее, хотя гордыни в современном человеке чрезмерно.

Мышление принадлежит сознанию. Это суждение стало общим местом современной психологии. Тем не менее, проблема никак не проясняется, ибо человек стоит перед бездной: душа принадлежит сознанию? В настоящее время очень модно говорить о психосоме сознания. Что скрывается за этим понятием? Ни тело, ни язык, ни душу (бессознательное) невозможно отнести к сознанию, а намеренная редукция сознания к одному из указанных феноменов лишь усложняет и без того сложную проблему. Понятие «психика» является общенаучным, понятие (категория) «душа» – метафизическое. Понятия «психика» и «душа» не тождественны. Данное замечание продиктовано желанием прояснить феномен взаимосвязи души и тела, чтобы придать значимость строению, процессам, свойствам и функциям сознания, в какой-то мере пролить свет на основания душевной и телесной организации, а также на

¹ См. *Філософія. Культура. Життя.* – 2012. – № 38. – С. 264-274..

душесоматические (психосоматические) истоки языка, познания и культуры. Тело, душа и сознание взаимосвязаны. В психологии взаимосвязь души и тела истолковывается как психосома. Психосома – основание сознания. Особенности психосомы, или взаимосвязи души и тела, таковы: во-первых, психосома для каждого человека индивидуальна; во-вторых, взаимосвязь души и тела – это некая универсально-фундаментальная способность человека, с помощью которой человек приобретает, хранит и воспроизводит как собственный, так и коллективный опыт. Взаимосвязь души и тела – основание всей повседневной жизни, бытия и познания. Еще одно замечание. Что понятия «душа» и «психосома» не тождественны, следует из такого вопроса: что является более активной, ведущей стороной дихотомии «душа – тело»? Понятие «психосома» этот вопрос нивелирует. Взаимосвязь души и тела является основанием формирования, программирования жизненной перспективы человека как в биогенетическом, так и поведенческом смысле, способом упорядочивания повседневных, когнитивно-познавательных, коммуникативных, ценностных, целеполагающих практик человека. Трансцендентальная и трансцендентная роль взаимосвязи души и тела будет предопределяться дальнейшим эволюционно-биологическим и социокультурным развитием человека.

Мы не касаемся вопроса о происхождении человека. Но появление *Homo sapiens* на Земле повлекло за собой становление культуры как универсального способа бытия человека в истории. Особенностью культуры является возникновение искусственного мира, искусственной среды обитания, значение которых будет нарастать в процессе дальнейшего существования человеческого вида. Полагать, что человек может возвратиться к первозданной природе – верх наивности. Наоборот. Перед человеком стоит колоссальной трудности проблема: создать такой мир искусственного, который бы на порядок превосходил мир природы и соответствовал организации взаимосвязи души и тела (психосоматической организации) человека.

Общим местом современной антропологии является тот факт, что в процессе человеческой истории взаимосвязь души и тела стала отличаться от того, что наблюдается у других живых существ. Эти различия нарастали по мере развития культуры и проявились в орудийно-технологических, когнитивно-познавательных, коммуникативных, речезыковых особенностях взаимосвязи души и тела человека. Проблема взаимосвязи души и тела всегда вызывала интерес и особенно в связи с экстраполяцией идеей дарвинизма. Чтобы конкретизировать сказанное, отметим, что в 1970 г. вышла книга А. Забелина «Человек и человечество», в которой была повторена попытка проанализировать проблему перспектив жизни человека на Земле. А. Забелин поставил вопрос: для чего живет человечество? Вопрос в те непростые идеологические годы оказался и новым, и не обсуждаемым. В этом вопросе необходимо отметить, по крайней мере, два момента. Во-первых, автор обсуждает вопрос о биологической

эволюции человека: происходит ли естественный отбор на уровне Homo sapiens? в чем специфика биологической эволюции человека? как проявится биологическая эволюция человека в ближайшей перспективе – 1000 – 10000 – 100000 лет? По мнению А. Забелина, если в настоящее время человек рождается с предпосылками говорения и письма, то в будущем человек будет рождаться говорящим и пишущим. Аргументация А. Забелина базировалась на известном тезисе Ф. Энгельса о подчинении высшей формы движения материи (в данном случае социальной формы организации материи) низшей (биологической формы движения материи). Ф. Энгельс в своих работах подчеркивал, что материя как субстанция порождает на определенном этапе своей эволюции (развития!) мыслящий Дух. Ф. Энгельс был сторонником финитизма, полагая, что материя на определенном этапе своего развития поглотит человеческий дух. В упомянутой книге вопрос о человеческой душе и вовсе не обсуждался. У читателя резонно мог возникнуть вопрос: что такое сознание по-забелински, и при каких условиях оно формируется и как оно соотносится с душой?

Тем не менее, эмпирическое разнообразие взаимосвязей души и тела – движений, свойств и функций (структуры отдельных органов тела) – имеет гетеро-гомогенный характер. Как это понять? Когда обращают внимание на разнообразие структур различных органов тела, то указывают на гетерогенность взаимосвязи души и тела; когда хотят подчеркнуть единство души и тела, то указывают на гомогенность свойств души и тела.

Разнообразие и множественность душевных структур сознания образуют слаженно функционирующий организм, в котором стратифицированы и слиты отличные друг от друга уровни его функционирования, в котором элементы структуры одного органа тела связаны со структурами всех остальных телесных органов. Эти связи обеспечиваются информационно-генетическими, нервно-физиологическими, двигательными, речевыми, когнитивными, эмоционально-волевыми и мнемическими средствами. Душа и сознание не исчезают, «не обрываются» там, где «начинаются» биологические, физиологические или двигательные признаки тела. Тело не может существовать вне души и вне сознания; душа и сознание – предпосылки возникновения и существования тела. В этой связи приведем мадригал М.Ю. Лермонтова, подчеркнувшего неразрывность души и тела в поэтической форме:

Душа телесна! – ты всех уверяешь смело.

Я соглашаюсь любовью дыша,

Твое прекраснейшее тело, ничто иное, как душа.

Интересно, что кенигсбергский мыслитель И. Кант очень лапидарно, но глубоко, в первом приближении, определил понятия «душа» и «тело» в «Критике чистого разума»: «Я, как мыслящее существо, есмь предмет внутреннего чувства и называюсь душой; то,

что есть предмет внешних чувств, называется телом»¹ (Кант И. Сочинения / И. Кант. – В 6 т. –Т. 3. – М., 1964. – С. 368-369). Это глубоко и правильно. Человек постоянно о чем-то размышляет, но о душе можно говорить лишь в том случае, если мы переживаем, осмысливаем, то, что происходит с нами. Душа по своим качествам или свойствам проста, в отличие от сознания. В современной философии выделяют структуры сознания: когнитивные структуры (перцепция, мышление, язык, речь), структуры воображения (фантазии, иллюзии, рациональные идеи, принципы и правила, формы языка), эмоциональные структуры (ужас, смех, хохот, страх, слезы, стыд, радость, раздражительность, подавленность и т.д.), волевые структуры (мотивированность, целесообразность, избирательность и произвольность). Сознание человека весьма сложно, можно говорить об уровнях сознания. В отличие от сознания, душа человека в силу своей простоты не меняется во времени (она тождественна самой себе), душа одна, душа единственна (но не множественна) и неразрушима (?). По определению И. Канта, душа относится к возможным предметам в пространстве, которых чувственно не созерцает. Но созерцает ли душа сознание? Когда человек теряет сознание, то, что происходит с душой? Как душа относится к телу, которое находится в пространстве? «Предмет внутреннего чувства» в человеке? Что за этим скрывается? Какие структуры сознания являются жизненно важными, без которых трудно представить жизнь человека? Возможна ли феноменология души человека без тела, телесности? И можно ли представить целостность феноменологии души человека, несмотря на то, что душа по своим свойствам простая? Какие свойства души следует выделить в первую очередь?

Я понимаю, что на эти вопросы невозможно дать ответы тотчас, мгновенно. К примеру, тривиально звучит, что мышление у человека языковое, в особенности, когда он «оязычивает» свою мысль. Но всегда ли мы внутренне чувствуем, переживаем омерзительность, поверхностность, лживость, фальшивость, лицедейство, неряшливость, путанность, высокопарность, нарочитость наших высказываний, в особенности, когда находимся наедине с самим собою? Помню один забавный случай с «оязычиванием» мысли, свидетелем которого я оказался в трамвае. Людей было мало, поскольку это было раннее утро. Впереди меня сидела девушка. Внезапно у нее зазвонил мобильный телефон. По ту сторону сети девушку спрашивали, на какой остановке она выходит. Ответ меня поразил: «Я выхожу там, где памятник сидит чуваку». Вышла она из трамвая на ул. А. Горького. Там действительно стоит памятник А.М. Горькому. Ответ я запомнил, и часто привожу эту фразу на первой лекции по логике. Студенты, как правило, хохочут. Но дело не в этом. Дело в ином: неужели человек в таких ситуациях вовсе не переживает по поводу сказанного, даже в тех случаях, когда он находится один на один? Чем заполнено сознание таких людей, что

¹ Кант, И. Сочинения / И. Кант. – В 6 т. –Т. 3. – М., 1964. – С. 368-369.

чувствует душа? И чувствует ли что-либо? Хотя не чувствовать душа не может. Мы с женою идем с работы, а наш кот по имени Доцент сидит и не спускает с дороги глаз в ожидании нас. Что чувствует его душа? Вопрос о душе кота? Ну разве это философский вопрос: что чувствует кот? Что чувствует человек в моменты творчества, в одиночестве и уединении? В этих вопросах должна быть ясность и правда. Тема души – это, по большому счету, не просто метафизическая проблема. В русском языке есть поговорка: «чужая душа – потемки...» Чужая душа, душа Другого – это духовная тьма, и всегда есть опасность исказить или опошлить животворящую тайну Божьего мироздания. И объясняя проявление чужой души, можно человека представить как предубежденного судию.

Нет ни такого компьютера, ни такой книги, которые были бы в состоянии заменить личный опыт, живое созерцание, некоторую проникновенность. Можно судить о человеческой душе по характеру мимики на лице, по взгляду, по жестам, по телодвижению, по разговору, по отношению к окружающим животным и вещам и т.д. Но главным критерием, по которому мы можем судить о содержании души, является поступок. Но тут следует иметь, что поступок и результат действия – не одно и то же. Зная, допустим, что человек имеет некоторые способности в рисунке и живописи, он может достичь неплохих результатов, если будет постоянно работать над собой. Мы будем знать лишь результаты совокупности поступков, но не характер его поступков в целом. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к примерам из художественной литературы, в частности, к повести Н.В. Гоголя «Портрет»¹.

Пожалуй, нет другого произведения Н.В. Гоголя, где бы он так методологически ясно поставил проблему человека как источника зла. Сюжет «Портрета» весьма замысловат. В повести слиты воедино мистические и реалистические мотивы. Петербургский художник Чартков по случаю купил в лавке портрет старика. Глаза старика были написаны так выразительно, что казались живыми, дьявольскими. По ночам портрет оживал. И как-то ночью мистический старик выпрыгнул из портрета и начал перебирать свертки с золотом, которые принес с собой. Один сверток он обронил, когда возвращался обратно за рамку портрета. Чартков воспользовался нечистыми деньгами, перестал работать над собой, начал писать портреты богатых людей, стал богат. Пришла слава гения. Но однажды он увидел на выставке картину молодого художника, который, терпя нужду, учился возле полотен мастеров итальянского Ренессанса и создал выдающееся произведение. В Чарткове вспыхнула зависть. Из зависти, ненависти и мести он начал скупать шедевры и уничтожать их, сошел с ума и умер.

Каков смысл этой повести? Чартков мог стать большим, самобытным художником, но черт через город подсунул ему массу искушений: еду, одежду, экипажи, рестораны, женщин. В городе все

¹ Гоголь, Н.В. Портрет / Н.В. Гоголь // Собрание починений. – В 7 т. – Т. 3. – М. : Художественная литература, 1977. – С. 64-115.

измеряется деньгами. Город становится символом цивилизации, в которой деньги – самое главное и самое судьбоносное. Они – суть города, зло города, и как зло несут метафизический смысл, превращаясь в мировое зло. По Гоголю, черт на каждом шагу вредит человеку, подсовывая различные соблазны, а город, как средоточие мирового зла, убивает человеческое в человеке. Овладев нечестивыми деньгами, Чартков позволял себе все то, на что глядел до того завистливыми глазами, чем любовался издали, глотая слюнки. Ух, как забилося в нем ретивое, амбициозное, когда он внутренне представил новые возможности! «Одеться в модный фрак, разговесться после долгого поста, нанять себе славную квартиру, отправиться тот же час в театр, в кондитерскую, в... и прочее». Начав с удовлетворения естественного желания хорошо одеваться, питаться, жить в хорошей квартире, Чартков делает следующий шаг: «...В душе его возродилось желание непреодолимое схватить славу сей же час за хвост и показать себя свету. Уже чудились ему критики: «Чартков, Чартков! Какой сильный талант у Чарткова!»... И человеческое в Чарткове было побеждено. На следующий же день он заплатил за хвалебную статью о себе в городской газете..., затем еще... Посыпались заказы. Началась жизнь популярного портретиста. «Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслаждением, целью. Пуки ассигнаций росли в сундуках и, как всякий, кому достается в удел этот страшный дар, он начал становиться скучным, недоступным ко всему, кроме золота, беспричинным скрягой, беспутным собирателем...».

От прежнего беспорядка в его мастерской не осталось и следа. Он завел лакеев, щегольских учеников, переодевался несколько раз в день, завивался, занялся улучшением своих манер, внешности. И скоро в Чарткове нельзя было «вовсе узнать того скромного художника, который работал когда-то незаметно в своей лачужке на Васильевском острове». Спрос на него с каждым днем расширялся. Но всем заказчикам портретов надо было одно – «хорошо» и «быстро», и он стал производителем того, что называется ширпотребом. Клиенты дивились бойкости кисти художника-спринтера и... платили. Складывался миф: Чартков – истинный талант. Исчезло человеческое. Сформировалось рациональное, полезное, утилитарное, пошлое, эффектное и эффективное. И появился (вылупился) Чартков – организатор удовлетворения рыночного спроса, символ городской цивилизации, блестящей и пустой.

В Чарткове с самого начала жил черт, который постоянно нашептывал: деньги, слава, карьера, – и всячески старался отвернуть его от подлинного творчества. «С очей его вдруг слетела повязка. Боже! И погубить так безжалостно лучшие годы своей юности; истребить, погасить искру огня, может быть, теплившегося в груди, может быть, развивающегося бы теперь в величии и красоте...» А воля у Чарткова была слабая!

В.Н. Сагатовский (в СССР известный философ) в своей книге «Вселенная философа», пытаясь проникнуть в тайны человеческой души, высказывает такое суждение: «Видимо, среди многообразных

свойств надо выделить такое, которое подытоживает все другие и непосредственно выражает как бы итоговое отношение человека к действительности. Таким свойством является направленность»¹ На основании этого подхода автор выделяет пять типов людей: властолюбец, деловой человек, человек игры, соборно-творческий, мастер показухи. Интересно, но пять типов никак не соответствуют Чарткову. Точно Н.В. Гоголь хотел сказать: «Дело не в этом, господа!». Завершение, заключительные строчки «Портрета» просто гениальны: «Невнятный говор и шум пробежал по всей толпе, и вслед за тем послышались явственно слова: «Украден». Кто-то успел уже стащить его, воспользовавшись вниманием слушателей, увлеченных рассказом. И долго все присутствовавшие оставались в недоумении, не зная, действительно ли они видели эти необыкновенные глаза- (глаза зла, – В.К.) – или это была просто мечта, представшая только на миг глазам их, утружденным долгим рассматриванием старинных картин». Неужели человек может мечтать увидеть глаза зла?

Если сформулировать основную идею «Портрета» Н.В. Гоголя, то бытие зла – нечто самостоятельное, живое, личное, непрерывно поддерживаемое некротворящим сознанием, бытие добра – самостоятельное, живое, личное, непрерывно поддерживаемое животворящим Духом. Познание того и другого обусловлено бытием – бытием зла и бытием добра, оно есть участник бытия, события. Познание зла или добра есть посвящение в тайну их бытия.

Конечно, от Н.В. Гоголя нельзя требовать, чтобы сотворенная им онтология зла была исчерпывающей. Он не исследует, как возникло зло, для него зло безосновно, но оно абсолютно противоположно добру. Н.В. Гоголь отталкивается от резкого различия добра и зла. Зло – живое начало в человеке, оно так же, как и добро, – самостоятельное, живое начало. Вот как Н.В. Гоголь описывает это живое начало у Чарткова, когда тот начинает размышлять о пользе своего творчества: «Да ведь что пользы? Этюды, попытки – и все будут этюды, попытки, и конца не будет им, Да и кто купит, не зная меня по имени? Да и кому нужны рисунки с антиков из натурального класса, или моя неоконченная любовь Психеи, или перспектива моей комнаты, или портрет моего Никиты, хотя он, право, лучше портретов какого-нибудь модного живописца? Что, в самом деле? Зачем я мучусь и, как ученик, копаюсь над азбукой, тогда как мог бы блеснуть ничем не хуже других и быть таким, как они, с деньгами».

Вот и все! Все достаточно прозаично и банально: ведь главное – деньги. По крайней мере, для Чарткова. В них он видел смысл своей деятельности и смысл творчества. Имплицитно Н.В. Гоголю не безразличен вопрос: а возможно ли художественное творчество ради него самого?

¹ Сагатовский, В.Н. Вселенная философа / В.Н. Сагатовский.– СПб., 2008. – С. 104.

«...Большая часть сознательного мышления философа тайно управляется инстинктами, которые насильно ведут его по известным путям»¹ (Ницше Ф. По ту сторону добра и зла). Приведенную мысль Ф. Ницше можно было бы поставить в качестве эпиграфа к статье; можно дополнить, поскольку большая часть сознательного мышления рядового обывателя тайно обуславливается его инстинктами. Человеку стыдно в этом признаться о своих тайных помыслах и устремлениях. И с этой точки зрения Н.В. Гоголь предвосхитил своим творчеством идеи многих философов и психологов XX столетия. И хотя он не был метафизиком в нашем понимании, но он не был и чужд метафизических размышлений. Что-либо доказывать в этом плане – значит ломиться в открытую дверь. Но как прав Ф. Ницше в данном случае, применительно к повести «Портрет». Мышление Н.В. Гоголя в повести управляется инстинктом непринятия зла. Но этот инстинкт не вел его по известному пути. Непринятие зла еще не означает, что путь его преодоления известен и заданы, сконструированы методы, которые позволяют выбрать наиболее короткие и удобные, более совершенные пути к добру. И мучает, и бесит Н.В. Гоголя единственный вопрос, а есть ли зло – злом, а добро – добром и как покончить с этой расхожей, очень распространенной, но до ужаса банальной точкой зрения о том, что добро способно переходить в зло, а зло каким-то образом оказывается вдруг добром? И своим «Портретом» Н.В. Гоголь протестовал против этой банальности, этого человеческого ханжества. Идея столкновения человека со злом как таковым, чувственно наглядно воспринимаемая, овладела Н.В. Гоголем еще в «Вие». Но что Вий? Страшное, безобразное, землисто-железистое чудовище! Да, и только! Нет, Н.В. Гоголь прекрасно понимал, что зло, его истинный лик, его онтологию необходимо искать не в мифологических образах... Зло бродит по человеческому миру как и смерть, и оно у каждого из нас за плечами, под ногами, в душе, сердце... Оттого и страшен мир человеческих отношений, ибо зло всеприсутственно. Наша критика как-то не очень обращает внимание на концовку повести, а ведь финал ее гениален по замыслу и исполнению: зло человеку необходимо, а природа человека настолько подлая, мерзкая и ничтожная, что вместо того, чтобы бросить вызов Богу и стать Сатаной, он подло, исподтишка, тайно венчается с ним. «– Исполни, сын мой, одну мою просьбу, – сказал он мне уже при самом расставанье. – Может быть, тебе случится увидеть где-нибудь тот портрет, о котором я говорил тебе. Ты его узнаешь вдруг по необыкновенным глазам и неестественному их выражению, – во что бы то ни было истреби его...» Но!... оказывается, что зло неуничтожимо в человеческом мире. Истребить его просто не удастся по простой банальной причине. Воплощенное зло просто нагло воруют среди белого дня, нарушая одну из христианских заповедей «Не укради».

¹ Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла // Фридрих Ницше. Сочинения в 2-х томах. – Т. 2. – М. : Мысль, 1990.

«Невнятный говор и шум пробежал по всей толпе, и вслед за тем послышались явственно слова: «Украден». Кто-то успел уже стащить его, воспользовавшись вниманием слушателей, увлеченных рассказом. И долго все присутствовавшие оставались в недоумении, не зная, действительно ли они видели эти необыкновенные глаза – (глаза зла, - В.К.) – или это была просто мечта, представшая только на миг глазам их, утружденным долгим рассматриванием старинных картин». Н.В. Гоголь оставляет читателя в состоянии неопределенности и растерянности: может ли человек увидеть необыкновенные глаза зла, если не в действительности, то, по крайней мере, на портрете, или это все же иллюзия, мистическое видение? Но растерянность возникает, когда задумываешься о том: может ли человек мечтать о том, чтобы увидеть глаза зла? И должен ли человек помышлять, мыслить зло? Ответ очевиден, напрашивается сам собою. Этот вопрос – не «теоретический вопрос», это вопрос не спекулятивного порядка; этот вопрос самой жизни, он так же страшен – и, собственно говоря, более всего страшен, чем самая горькая нужда, поскольку самое жгучее желание не совершать зла никак не избавляет от того, чтобы его не совершать. Не существует особой диалектики добра и зла.

Ошибался Н.А. Бердяев, настаивая на существовании особой экзистенциальной диалектики добра и зла. Как далек он был от понимания именно православного контекста соотношения добра и зла! Добро и зло соотносятся, но не перетекают друг в друга подобно воде в сообщающихся сосудах. Иоанн Златоуст, касаясь этого вопроса, вроде бы тоже стоит на тех же позициях, что и Н.А. Бердяев.

Приведем выдержку из одной работы Иоанна Златоуста (кстати, мыслителя очень глубокого и совершенно непроанализированного с философской точки зрения): «Действительно, как скоро является какое-либо добро, то невозможно, чтобы не примешалось и зло... Держащийся истины, если никто не совращает его, не был бы крепким любителем истины; а когда многие совращают его, тогда он делается славным»¹. Смысл сказанного прост и незатейлив, но глубок. Добро делается через пресечение и преодоление зла. И если добро не способно преодолеть, превзойти зло, то это означает одно, что человеческое неприятие зла оказалось недостаточным, что оно слабо пронизано любовью и духовностью – любовным и духовным отношением к миру².

Завершение повести связывается с ее началом: зло в глазах человеческих. Почему в глазах? Вопрос достаточно простой. Ведь человеческие глаза – это и пространство, и время зла, его исток и начало. И все же, когда начинает проявляться в человеке зло? Помоему, когда человек не пытается преодолеть, управлять, властвовать над своими страстями. Для большинства людей такая формулировка проблемы ставит их в тупик. Ведь смысл жизни для

¹ Златоуст, И. Творения / Иоанн Златоуст. – Т. 9. – Кн. 1. – М., 1994. – С. 300.

² Ильин, И.А. Сочинения / И.А. Ильин. – В 2 т. – Т. 1. – М., 1993. – С. 317.

них в удовлетворении собственных страстей. Для них Господь Бог – пустое понятие. Они рассчитывают лишь на свою волю и собственный разум. Среди этого типа людей есть множество несчастных, страдающих внутренним раздвоением душ, шизофреников и полушизофреников, но если и встречаются цельные натуры, живущие без всякого раздвоения, то они *просто наслаждаются злом*, и для них важнее всего на свете стяжательство и стремление к власти во всех ее проявлениях, но особенно политической власти. Они заражены честолюбием и властолюбием. По слову ап. Павла, люди, «познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось неосмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку» (Рим 1). И этим с особым вниманием занялись искусство и философия, поскольку человеку XIX и XX столетий захотелось побольше узнать о демоническом в человеке, который играет в добро и зло, предаваясь дурным страстям, неукротённым инстинктам. Для демонического человека важнее всего «жизнь без Бога». Демонический человек – это начало сатанистского в нем, это – начало *духовной бездны*. «И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия...» (Рим 1). Человек, отдавший себя во власть демонического начала, теряет духовность и влечение к ней, в нем гаснут сострадание, жалость, доброта, честь и совесть, он предается телесности и сознательной порочности. Демонический человек полон отвращения, ненавистью к людям совести и порядочности, добра и сострадания. В демоническом человеке не утихает смрадный огонь.

Статья поступила в редакцию 22.10.2013 г.